

Маша Моран

НЕПРИКАСАЕМОЕ
СОЛНЦЕ

Маша Моран

Неприкасаемое солнце

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69526537

SelfPub; 2023

Аннотация

Индия. Прекрасная и жестокая. Здесь яркие краски смешались с грязью. Он – сын английского генерала. Она – неприкасаемая, индианка из низшей касты. Между ними не может быть ничего, но будет всё...

Содержание

1	5
2	7
3	14
4	15
5	18
6	21
7	28
8	31

Маша Моран

Неприкасаемое солнце

Я хотел бы не знать тебя, но я знаю. (с) «Грань будущего»

20»

1

Генерал Ричард Дарнье был истинным английским патриотом и солдатом. Всё его существо было направлено на соблюдение жёсткой дисциплины, а помыслы сосредоточены на одной цели – служении Англии. Лишь однажды он позволил себе слабость. Белокожие чары прекрасной Изабель Далон заставили генерала на время позабыть о своём долге. Этого времени было достаточно, чтобы сделать строптивой француженке предложение. Её чёрные локоны были так же темны, как страсть, поглотившая генерала.

Но Изабель ответила отказом. Дарнье же, привыкший бросать все силы на кровавые завоевания индийских княжеств, и не думал отступить. Ему не стоило труда заручиться поддержкой родителей Изабель, и вот уже Лондон празднует пышную свадьбу, приветствуя миссис Ричард Дарнье.

Слишком поздно Ричард понял то, что с самого начала было у него перед глазами – привязав Изабель к себе, он не добьётся ни её любви, ни заботы, ни преданности. Теперь она флиртowała ещё отчаяннее, позволяя себе те вольности, которые не могла допустить незамужняя девушка. И Ричард, мучимый ревностью, принял решение: он увезёт Изабель из Лондона. Из Англии. Так Изабель Дарнье, в девичестве Фалон, оказалась в Индии.

Изабель была знакома лишь одна сторона Индии – укра-

шенная яркими цветами пестрых тканей и блеском драгоценных камней невиданной красоты. Она быстро смирилась со своим замужеством, ведь Ричарда так часто не бывало дома...

2

1889 год, апрель. Тридцать лет назад превосходящая в вооружении и дисциплине английская армия подавила восстание сипаев¹. Разобщённые, воюющие друг с другом индийцы не смогли сплотиться, чтобы отстоять свою независимость. Но отдельные группы мятежников всё ещё не оставляли надежды побороть англичан. Даже спустя столько лет после подавления восстания всё ещё продолжали вспыхивать очаги недовольства. Редкие, но жестокие, они уносили жизни многих английских солдат. Генерал Дарнье проявил доблесть и отвагу, отбивая врага, предательством заманившего в ловушку руководимый им отряд. Умелым командованием он сумел вывести своих людей из осады и найти убежище в джунглях.

Но в самом начале сезона дождей, когда вода выгоняет из своих нор змей, а ветер сносит любое препятствие на своём пути, индийский лес – не лучшая защита для измученного отряда. Взятый в плен сипай пообещал надёжное укрытие в обмен на свою жизнь, и Ричарду не оставалось ничего иного, как довериться ему. Пленник привёл генерала и его людей к разрушенному храму, вырубленному прямо в скале. Уставшие солдаты нашли там не только пристанище от лив-

---

¹ Сипай – воины из местного населения, нанятые англичанами для несения службы.

ней и ветров. В просторной зале с барельефами древних сражений и богов таинственно сверкали украшения, равных которым не было по красоте. Обезумевшие от такой удачи солдаты бросились наполнять свои карманы, а Ричард, одержимый жадой к своей юной, но равнодушной супруге, ушёл на поиски сокровища, достойного её красоты. Он забрался так глубоко в этот странный храм, что даже свет факела не мог рассеять окружавшую тьму. Храм превратился в каменную пещеру. Под подошвами сапог хрустел вовсе не камень, и капала сверху совсем не вода. Когда пальцы Ричарда коснулись влажной и почему-то тёплой поверхности, страх и сомнения закрались в его душу. Нечто липкое обволакивало его пальцы. Знакомые запахи металла и соли... Где-то совсем рядом шумела вода, и слышалось чьё-то тяжёлое дыхание. То ли его, то ли того, чьи глаза следили из темноты за каждым его опрометчивым шагом.

Робкое сияние факела озарило стены пещеры, покрытые длинными царапинами. Какая сила способна была поранить камень?! Но Ричард тут же позабыл о своём страхе, когда увидел заманчивое сверкание того, за чем он шёл. Он нашёл подарок, достойный Изабель. Быть может, теперь она станет чуточку ласковее с ним?

Недолго эти грёзы владели разумом генерала. Нечто ужасное вырвалось из тени и бросилось на него. Длинные когти впивались в кожу, разрывая одежду. Острые зубы вонзались в незащитную плоть. Ричард кричал, срывая голос, по-

ка чёрные когти тигра пытались добраться до его горла. К коллекции следов на камне добавились новые. Ричард и сам не понял, как ему удалось вытащить саблю и пронзить тело тигра. Наверное, сегодня ему сопутствовала удача.

Все заметили, что генерал Дарнье вернулся другим. Дело было не в изодранной в клочья окровавленной одежде. И даже не ранах по всему телу. Изменился его взгляд. Голубые глаза затягивали в невиданную прежде глубину. Это был тот самый омут, о котором так часто говорят. Страшный взгляд, в котором таилась дикость.

И она вырвалась наружу, когда капитан вернулся наконец домой. Швырнув Изабель добытое в храмовой пещере ожерелье, он с яростью и жестокостью овладел женой, оставляя на её теле царапины столь же глубокие, какие и она оставила в его душе своим равнодушием. Он насиловал её до тех пор, пока Изабель не смолкла, утратив силы. Она лежала бледная, неподвижная, словно мёртвая, а в Ричарде словно боролись два существа. Его душа, мятущаяся и одинокая, была в ужасе от того, что он сделал. А тигриная свирепость, что пробудилась в его теле, чувствовала долгожданное насыщение и вновь желала удовлетворить этот голод. Голод одиночества.

Под звук непрекращающегося дождя Изабель Дарнье разрешилась бременем. Когда хрупкая индианка, принимающая роды, поднесла дитя госпоже, та отмахнулась от ненавистного младенца. На протяжении восьми месяцев беременности Изабель искала способ избавиться от ублюдка,

росшего в её чреве – плода омерзительного деяния её мужа. Снадобья, травы, заговоры индийских ведьм – ничто не могло извести ту тварь, что росла и крепла внутри неё. И всё же ей удалось на месяц раньше вытолкнуть его из себя. Но вопреки надежде, что младенец не выдержит, он выжил. Раздирающий ушные перепонки плач перекрыл даже шум бури. Единственное, что успела разглядеть Изабель – смуглая кожа и короткие, почти красные волосы на голове существа, которое она отказывалась признать своим сыном. Эти влажные пряди мелькали перед глазами всполохами адского огня.

Гарван Дарнье рос сам по себе. Окружённый десятками людей, он всегда был в одиночестве. В те редкие моменты, когда мать смотрела на него, её взгляд наполнялся странной злобой. Лишь позже Гарван понял, что это была ненависть. Отец же и вовсе наплевал на своего отпрыска. Иногда о Гарване вспоминала няня-индианка. Но и от неё мальчик не знал добра и ласки. Она всё время оглядывалась на него и что-то шептала, а стоило ему внезапно выскочить из-за угла, так и вовсе убегала в ужасе, шепча какие-то молитвы. Может, она ожидала, что у него вырастут рога на голове, как у священных коров? Гарван этого не знал. Каждая толика внимания, которую он получал, была слишком бесценна и скоротечна, чтобы о чём-то задумываться. Никто не хотел с ним играть. Никто не собирался учить его читать и писать. Часто его даже забывали покормить.

На улицах же Индии всё было не так. Впервые Гарван сбе-

жал из дома в пять лет. Он гулял по грязным пыльным улицам, разглядывал английских офицеров и наблюдал за играющими мальчишками. В тот момент Гарван испытал незнакомое странное чувство, когда очень хочется обладать тем, что никогда не будет твоим.

Первые тринадцать лет жизни он провёл в яркой, но грязной и красочной Индии. Среди англичан и индийцев, подле торговцев и нищих. Гарван знал, у кого можно украсть, а к кому лучше не приближаться; как сбежать из города, чтобы тебя не нашли; какие места используют контрабандисты-англичане, чтобы прятать свой товар. Он был почти счастлив. Среди пыли и зелени, впитывая режущие глаз цвета сари и вынимая занозы из грязных пяток, он был на своём месте. Так длилось до тех пор, пока Гарван не стал достаточно взрослым, чтобы понять, что с его семьёй что-то не так. Отец, одержимый безумием, был то ласков, то жесток, то попросту равнодушен. В нём словно жили два разных существа, которые постоянно боролись друг с другом. Днём эти сущности пытались ужиться, а ночи становились бессонными из-за громких криков агонии.

Чёрная, словно кобра, ненависть матери к отцу отравляла её жизнь. И даже рождение маленькой черноволосой Даниэль ничего не изменило. Гарвану нравилось играть с сестрой, быть её защитником. Но всё это он мог делать лишь тайком – стоило матери заметить сына у колыбели дочери, как она превращалась в разъярённую Кали. Изабель бросалась

на сына несмотря на то, что он превосходил её и в росте, и в силе. Её ногти навсегда оставили тонкие шрамы на его щеках и шее, стоило ей лишь увидеть Гарвана, укачивающего сестру.

Но однажды всё прекратилось. Или это было лишь началом новой агонии?..

Сначала Гарван, а затем и Ричард застали Изабель в объятиях английского офицера. И, кажется, она ничуть этому не огорчилась. А ночью раздались два выстрела. Почему-то именно Гарван обнаружил обезображенное тело матери, а затем и отца, покончившего с собой после того, как застрелил жену.

Неужели недостаточно испытаний выпало на долю мальчишки?

Маленькую Даниэль забрали родители Изабель. Гарван же отправился в Ирландию – на родину Ричарда, к его матери. В холодной и неприветливой Ирландии всё было совсем не таким, как в Индии. Здесь даже люди были другими. Дикого и озлобленного Гарвана никто не хотел принимать. Здесь он был ещё более одинок. Загар постепенно сошёл, выгоревшие на солнце волосы отросли и стали почти алыми, а обидные выкрики ранили сильнее сабель. Гарван дрался, как никогда. Он постепенно превращался в зверёныша, загнанного и раненого. Графиня Дарнье решила увезти внука подальше от высокомерной аристократии.

В маленьком городке Лирнсе Гарван узнал, как можно

жить, не борясь за своё существование. У него были частные учителя, завтрак, обед и ужин по расписанию, игрушки и даже пони. У него было всё. Как жаль, что теперь он в этом не нуждался.

Когда Гарвану исполнилось шестнадцать, бабушка, седая суровая старушка с обманчиво добродушным лицом, решила, что внук может участвовать в управлении семейным предприятием. Он оказался вовсе не глуп и быстро стал принимать участие в деле, налаживая торговлю камнем, которого в избытке было в Ирландии.

3

1914 год. Гарван снова сбежал из дома. На этот раз на войну. Он не был патриотом или храбрецом. Не был и героем. Он лишь надеялся на то, что пуля безымянного солдата не достигнет его, сделав то, на что решился Ричард, но на что у его сына не хватало сил.

Гарван надеялся не вернуться с этой войны. Пропасть без вести. Сбежать наконец из той жизни, которая не принесла ему ничего хорошего. Сидя в холодном окопе и слушая рассказы солдат о жёнах, детях и матерях, которые их ждут, Гарван желал спрятаться в сырой земле так глубоко, чтобы не слышать их голосов. И на следующий день, несясь навстречу пулям, он трусливо надеялся лишь на то, что не вернётся с того поля. Он надеялся пропасть навсегда.

Но обнаружил себя в палатке хирурга с безобразным шрамом, уродующим и без того непривлекательное лицо, и слабой герой. И почему он остался живым после того, как острая сабля коснулась его кожи?..

4

С приходом англичан в Индии многое изменилось. Новые законы. Новые порядки. И, как свойственно людям, «удобные» законы были приняты и соблюдались.

С самого рождения Савитри² Решми была обречена. Появление на свет первенца-девочки в семье ачхут³ – неприкасаемых изгоев – было сродни проклятию. Ничего, кроме беды, как ребенку, так и родителям это не предвещало. Мало того, что в доме появился ещё один голодный рот вместо рабочих рук, так ещё и приданое – даури, нужно собрать, чтобы выдать обузу замуж.

Первое, что попыталась сделать мать, когда узнала пол ребёнка – избавиться от окровавленного маленького существа. Но вот незадача – повивальная бабка отказалась даже продать яд женщине-ачхут. А у матери не хватило силы духа своими руками умертвить ребёнка.

Вот так и росла Савитри Решми – неприкасаемая и никому не нужная. С ранних лет Савитри, как и её мать, занималась стиркой чужой одежды. Ей суждено было стать дхоби⁴ – прачкой. Это сулило относительную безопасность – хоть де-

---

² Савитри (санскр.) – солнечная.

³ Ачхут – «неприкасаемые». Самая низшая каста в Индии. Считаются «грязными» людьми.

⁴ Дхоби – прачки, одна из «грязных» профессий неприкасаемых.

вочка и была из неприкасаемых изгоев, но она делала грязное чистым, а значит, её работа была важна. Савитри и сама так считала. Но всё равно продолжала испытывать мучительную боль и обиду от той несправедливости, что её окружала. Ей и её семье нельзя было брать воду из общего колодца, чтобы не осквернить её. Она должна была ходить очень осторожно, чтобы не коснуться кожи и одежды жителей деревни – ведь тогда она осквернила бы их своим прикосновением. И даже её тень не должна была падать на кого-то из другой варны – ведь из-за неё человек стал бы грязным.

Но что могла изменить Савитри в установленном порядке вещей? Что она могла исправить в обычаях, которым десятки тысяч лет?! Она не могла ничего – лишь покорно и безропотно терпеть унижения, пренебрежение и всю ту боль, что ей причиняли. Но однажды она не вытерпела. Мужчина из варны⁵ кшатриев⁶ – воинов, пользующихся особым уважением, последовал старому как мир закону. Взять женщину для своей утехы, пусть даже она из неприкасаемых ачхут, было в порядке вещей. Кто она такая, чтобы отказать воину, защищающему покой Индии? Всего лишь жалкая женщина. Да ещё и изгой. Возвращаясь на окраину в свой дом с тяжёлой ношей влажного белья Савитри мечтала о том, что в следующей жизни боги обязательно сделают её членом одной из высших варн. Ведь она так прилежно трудится, старается.

---

⁵ Варна – название каст в Индии.

⁶ Кшатрии – каста воинов. Вторая по степени уважения после брахманов.

Выстиранное ею бельё всегда чистое, без единого пятнышка. И мать, кажется, ею довольна... Но солдат-кшатрий навсегда прогнал эти мысли из головы Савитри. С тех пор, как она стояла там перед ним, выслушивая приказания раздеться, и до самой смерти, Сави больше никогда не мечтала о том, чтобы быть кем-то другим – ни в этой жизни, ни в последующих. Не повинуюсь древним законам и традициям, не следуя по тропам, проложенным ещё её предками, Савитри навсегда изменила свою жизнь. Она отказалась подчиниться кшатрию. Она попыталась убежать от него. Она лишила его жизни. Один удар в борьбе за жизнь изменил её судьбу. Сави ступила на долгий и страшный путь. На берегу реки, где стирала чужое бельё, она оставила тело мёртвого солдата. Она совершила грех, расплата за который была намного выше её жизни – убить кшатрия, да ещё такой, как она... Савитри ждала мучительная смерть. Жуткая. И странный голос внутри шептал, что она не должна сдаваться. Наверное, это коварная Кали мечтала заполучить голову Савитри. А может, это происки жутких ракшасов⁷ – демонов, совершающих ужаснейшие поступки.

Она и сама не знала, кто подсказал забрать одежду солдата, а тело его оттащить к реке. Обрезав свои волосы, надев мужскую одежду, Сави начала новый путь.

---

⁷ Ракшасы – согласно индийской мифологии демоны, которыми стали людьми, совершавшие при жизни плохие поступки.

Индийские экспедиционные войска были сформированы для защиты интересов британцев в Месопотамии. Богатые нефтью края были необходимы промышленной державе, а солдаты колониальной Индии были здесь как нельзя кстати.

Затеряться среди подобной армии было не самым трудным делом. Британцы, не знающие хинди, с трудом справлялись с войсками и не особо стремились сходитьсь с простыми солдатами. Сами же индийцы, вынужденные за крохи терпеть лишения, не проявляли друг к другу интереса и старались заботиться лишь о себе.

Сави держалась поодаль, мало с кем заговаривала. Тяжёлая доля дхоби начисто стёрла девичью непосредственность и беззаботность. Худоба и измождённый вид превратили её в измученного войной мальчишку, всех сторонящегося. Разношерстная индийская пехота выглядела жалкой и слабой, и Сави стала частью всего этого. Такая же жалкая. Слабая. Потерявшаяся в чужой стране.

Но именно сейчас, когда каждая минута могла стать мигом её разоблачения, Савитри чувствовала себя в безопасности. Слишком быстро она утратила бдительность. Кажется, беззубый лысоватый пехотинец начал что-то подозревать. Савитри ловила на себе его цепкий, липкий, как паутина, взгляд. Но однажды Мочали, так его звали, попытался спро-

воцировать драку.

– Эй, червяк!

Его противный голос раздался за спиной у Савитри, насыпающей корм лошадям. Она вздрогнула, обернулась и замерла на месте.

– Да-да, ты!

Наглый взгляд Мочали блуждал по тощей фигуре Сави. Секундное промедление на груди, а потом у живота, лучше всяких слов сказали о том, что он узнал её секрет. Ладони покрылись испариной. Пот прошиб спину, выступил над губой. Страх, знакомый, но от того ещё более ужасный, стал комком в горле, мешая дышать. Савитри поняла, что задыхается. Она уже знала, что с ней сделают: надругаются всем корпусом, а потом забьют камнями. Но это даже хорошо. Плохо будет, если её оставят медленно умирать.

– Не более, чем ты! Займись лучше своей работой.

Низкий хриплый голос с сипловатыми нотками развеял жуткие видения. Сави вздрогнула и сделала шаг вперёд, как будто её кто-то толкнул сзади. Рядом с ней и Мочали вдруг оказался гнедой. Его бока обхватывали настолько длинные ноги, что оставалось лишь гадать, что за великан покинул своих божественных собратьев ради войны. Савитри задрала голову выше, но не смогла разглядеть лица. Солнце, обнимающее великана за плечи, плащом окутало всю его фигуру, скрывая от любопытных глаз. Но то, как он держался в седле, и как моментально скукожился Мочали, словно уменьшив-

шись в размерах, поражало. Он пришпорил лошадь и проехал мимо, а солнце следовало за ним по пятам. Но, кажется, оно не могло согреть этого великана. Он слишком быстро скрылся из виду, Мочали поспешил сделать то же самое, а Сави получила долгожданную отсрочку. И лишь когда вернулась к своей работе, она поняла: незнакомец-великан говорил на хинди. Без акцента, без неуверенности. Так, словно знал этот язык лучше самих индийцев.

6

– Ты переходишь под командование капитана Дарнье. Пошевеливайся!

Вот так неожиданно Савитри получила возможность избавиться от присутствия Мочали. Тот хоть и успокоился после инцидента с гигантом, но продолжал недобро смотреть на Сави. Разыскивая неведомого капитана, Савитри пыталась вспомнить всё, что о нём слышала. Говорили, что он недавно прибыл в Эль-Кут сразу после того, как оправился от какого-то тяжёлого ранения. Он был одним из немногих, кто знал хинди и мог нормально общаться с солдатами. Ещё говорили, что он уродлив и жесток, не щадит ни себя, ни солдат. Много было слов. Сави не знала, чему верить, не знала, зачем он вызвал именно её.

Капитана Дарнье она увидела сидящим на корточках и осматривающим подкову лошади. Его плечи были в разы шире узких острых плеч индийцев, а спина такой широкой, что Сави могла спокойно за ней спрятаться. Кровавые лучи упали на эти плечи, и Савитри вдруг вспомнила, где их уже однажды видела – пару дней назад солнце точно так же пыталось обнять и согреть всадника-великана.

Она что-то сказала, капитан вздрогнул, словно не слышал её приближения, поднялся и обернулся к ней. Он взглянул прямо ей в глаза, впиваясь, словно зубами, в самое нутро.

Савитри ощутила, как жар охватил щёки. Он стоял перед ней, то ли бог, то ли демон. Моргнул, на секунду освобождая Сави из плена своего взгляда, и позволяя ей вздохнуть спокойнее. Как и говорили, Он не был красавцем. Скорее, даже наоборот. Длинный шрам, пересекающий щёку, губы и подбородок, делал Его суровым и каким-то диким. Карие глаза смотрели пронизывающе, будто он хотел проникнуть в самую суть Сави. И волосы... Цвета спелой вишни. Станный, неестественный цвет. Но когда он подошёл ближе, становясь всё выше, увеличиваясь, словно тень, Сави поняла – это природный цвет. Закатанные рукава рубашки обнажали его руки, покрытые волосками точно такого же оттенка. Сави сглотнула. На смену жару пришёл какой-то странный озноб, будто она столкнулась с неведомым существом.

– Оседлай мою лошадь.

Его голос, как и взгляд, проник глубоко под кожу, заставляя Сави вновь испытать странную дрожь. Форма почти царапала кожу. Она кивнула и направилась к лошади, протягивая руку к седлу. И тут Его длинные, покрытые шрамами пальцы сомкнулись на её запястье, причиняя боль, оставляя солнечный ожог.

«...Не знаю, кто она, как здесь оказалась... Зачем женщине вообще нужен подобный маскарад?! Не знаю, но выясню...»

Каким-то образом Он тоже догадался, что Сави женщина. Догадался намного быстрее Мочали. Но не стал угрожать

разоблачением. Лишь однажды вызвал к себе и спросил, зачем она выдаёт себя за мужчину. Сави растерялась, не зная, что ответить. Он прожёл взглядом дыру у неё во лбу, но отпустил и никому ничего не сказал. Измученная постоянными попытками спрятаться, Савитри не могла понять причину Его молчания. Её терзали страх, сомнения, подозрения. Почему? Почему Он не раскрывает её секрет? Чего ждёт? Всё кончилось тем, что Савитри не выдержала. Она прямо спросила капитана. Он, наверное, был удивлён вопросом. Он покачал головой и сказал, что индийцы замечательно устроились, получив рабов без войн и кровопролития. Сави не сразу поняла, что он говорил о неприкасаемых.

Так начала зарождаться их странная молчаливая дружба. Робко, опасливо, но Сави всё больше и больше доверяла этому человеку. Капитан словно оберегал её ото всех, давая какие-то смехотворные поручения вроде доставки письма лейтенантам или покупки чего-то на базаре. Он оставлял ей часть своей еды, спала Савитри отдельно ото всех и несколько раз смогла даже помыться в деревянной лохани с маленьким кусочком мыла. Мыло не пахло, было совсем крошечным, но Сави подозревала, что появилось оно не просто так. Много раз она пыталась поблагодарить капитана, сказать простое «спасибо», но Его какой-то равнодушный взгляд её останавливал. Как будто это другой человек её оберегал.

Савитри пыталась верно служить капитану, но ей почти

ничего не приходилось делать. Она наконец могла спокойно есть и даже начала понемногу забывать, что родилась ачхут. Так просто было не следить за каждым своим шагом, не бояться ненароком коснуться кого-нибудь. Она слишком быстро отвыкала от того, что было решено самими богами. И виновником этому был капитан Дарнье. Сави гадала, почему Он это делает, кем считает её. Но он оставался молчалив и невозмутим. Словно вдохнули жизнь в статую. Теперь эта статуя могла ходить и говорить, но не могла чувствовать. И всё же Сави ощущала между ними связь, тонкую, туго натянутую нить. Ей так хотелось считать, что это и есть та самая дружба, которой она была лишена. От капитана она видела больше поддержки и заботы, чем от матери. Он незримо присутствовал рядом, делая её жизнь в готовящемся к войне городе почти счастливой.

Однажды Савитри поручили передать капитану депешу. Как обычно, постучавшись, она замерла на месте, ожидая тихого: «Войдите». Но её стук остался без ответа. Из-под двери выбивалась полоска света. Сави постучала ещё раз. Снова ничего. А вдруг с ним что-то случилось? Дрожа от неуверенности, она вошла в штаб. Капитан Дарнье сидел на полу, прижавшись лбом к коленям и тихо что-то шепча. Сначала Сави подумала, что Он пьян – англичане не отказывали себе в выпивке даже накануне войны.

Сави подошла ближе и легонько тронула Его за плечо – она по-прежнему боялась запачкать кого-то своим прикос-

новением, тем более Его, человека, который проявил к ней такую доброту. Она едва коснулась ткани мундира, и капитан тут же поднял лицо. На его щеках застыли две блестящие, едва видимые влажные дорожки. Шрам побелел и резко выделялся на загоревшем лице – так крепко он сжимал губы. Сави с удивлением поняла, что он плакал...

Молча она опустилась рядом. Их тени слились в одну большую, и Савитри в очередной раз нарушила закон своих предков, своих богов.

– Ненавижу войну.

Его немного сиплый низкий голос, который так редко доводилось слышать, окутал Сави. Она хотела вновь дотронуться, как-то утешить, поддержать, но отдернула уже протянутую руку. Капитан, словно змея, выбросил вперёд ладонь, обхватывая её пальцы и прижимая их к своему лицу. Ладони стало влажно и горячо. Сави вздрогнула. Она постаралась вырвать руку, но капитан не дал ей этого сделать.

– Не надо... – Сави с болью взглянула в его лицо, оставшееся таким же равнодушным и каменным. Она решила...
– Я – дхоби... Это, когда...

Он оборвал её, не дав договорить.

– Я знаю, что это значит.

Рассвет они встречали вдвоём, всё так же на полу. Капитан лежал, уткнув лицо в её колени, а Сави нежно перебирала его необыкновенные волосы, наслаждаясь возможностью наконец коснуться кого-то. Ей казалось, что ладони опуска-

ются в прохладную мягкую воду – пряди, как волны, путались меж её пальцев, поблескивая в первых лучах солнца.

Он рассказывал ей о своём детстве в Индии, о жизни в Ирландии – далёкой и холодной стране. А Сави заворожено слушала эти рассказы, будто они были сказками, которых её лишили в детстве. Она с жадностью ловила и впитывала каждое его слово, представляя, что это её боги уносят на далёкий остров.

После той ночи капитан стал ещё более замкнутым, чем обычно. А ещё Он начал обучать Сави английскому языку – тому, на котором говорят аристократы.

«...Савитри... Солнечная... Даже её имя причиняет боль. Солнечная. Я не могу не смотреть на неё. Пытаюсь заставить себя отвернуться, и не получается. Я слабак, как и отец. Ничтожество. Не зря мать говорила, что мне гореть в аду. Я сгорю на этом Солнце...»

«...Не встречал таких, как она. Я всё думал, на что похожи её волосы, и вспомнил. На нашей шахте в Лирнсе добывают уголь. Её волосы такие, как он – чёрные и блестящие. И можно сгореть, если быть неосторожным...»

Армия турок была настроена решительно. Экспедиционный корпус, в котором индийцы с трудом даже обращались с английским оружием и не всегда могли понять, чего от них хотят, выглядели жалкими. Амбиции англичан по захвату города около нефтяных месторождений грозили обернуться не только полным провалом, но и тысячными жертвами.

Так и случилось. Эль-Кут осадили. Капитан и ещё пара переводчиков, словно вихри, носились от одного отряда к другому, пытаясь скоординировать действия, хоть что-то сделать. А Сави ждала в штабе. Он почти не выпускал её наружу, где каждый день мог стать последним. Сави всё больше боялась. Турки решили отстоять Эль-Кут. Началась осада...

«...Завтра будем прорываться. Таунсенд отправляет конницу в наступление. Командовать будет Личман. В коннице только англичане. Я не могу оставить её здесь...»

Англичане готовили наступление. Осада не могла длиться вечно. Им оставалось либо погибнуть здесь, либо попытаться вырваться из города... Чтобы погибнуть за его стенами. Мрачные англичане бегали туда-сюда, а индийцы молились. Савитри не отходила ни на шаг от капитана. Его губы были крепко сжаты. Шрам угрожающе белел на лице, а глаза блестя так ярко, словно он был болен лихорадкой.

Ночью, кажется, не спал никто. Савитри покинула свою крошечную комнатку и боязливо приблизилась к штабу. Она только успела поднять руку, как дверь широко распахнулась. Капитан стоял на пороге. Волосы взъерошены, на щеках – лихорадочные алые пятна, шрам натягивает кожу, делая его подбородок и скулы острыми, как осколки скал. Сави не нашлась, что сказать. Она просто крепко обняла его.

Конница во главе с полковником Личманом была наготове. Сави сжимала вспотевшими ладонями допотопную ржавую саблю. А вокруг что-то происходило. Все бегали, кричали и спешили что-то сделать.

– Иди за мной!

Капитан возник из ниоткуда, словно демон, появившись

у Сави за спиной. Права она была, когда считала его жутким ракшасом. Послушно последовала за ним и оказалась в маленьком проулке. Здесь было тихо, только издали слышался неясный гул приготовления к бою. Яркое светило жёлто-оранжевое раскалённое солнце. И даже казалось, что всё хорошо. Как будто не было огромной армии у ворот города, и всем предстояло прожить долгую жизнь.

Капитан повернулся к ней лицом, крепко сжал плечи Сави и, нависнув над ней, заглянул в глаза. Сави замерла.

– Послушай меня внимательно. Запомни всё. Сейчас выберешься из города, проедешь за Личманом. У первого окопа тебя будет ждать турок, зовут Хали. Он поможет тебе выбраться и сесть на корабль до Британии. В порту найдёшь капитана Барнса. Он поможет добраться до Ирландии. Возьми это письмо. Здесь адрес, куда тебе нужно приехать. Моя бабушка примет тебя.

Ошеломлённая Сави могла только молча стоять и смотреть, как солнечные лучи путались в его волосах цвета спелой вишни. Так же она зарывалась пальцами в его волосы. И сейчас Сави завидовала этому хитрому солнцу.

А капитан снял свой мундир и надел его на Сави. А она только и могла, как кукла, подчиняться его движениям. На голову её была низко надвинута его фуражка. Капитан провёл её к воротам, где уже собиралась конница. Неожиданно он остановился. Сави удивлённо моргнула, приходя в себя. Его лицо вдруг оказалось совсем близко, и она ощутила го-

рячее дыхание. Он выдохнул, поток воздуха пробежал по губам Савитри, и она жадно его вдохнула, как будто частичка капитана теперь оказалась в ней. А он наклонился ещё ниже. Его приоткрытые губы накрыли её рот. Нежно и неумолимо. Шершавые, влажные и слишком горячие, почти причиняющие боль. Медленно-медленно, словно впереди ещё много долгих и счастливых минут, он терзал горькой лаской губы Сави, ворую крупички её дыхания. Словно пытался отобрать назад тот воздух, который она вдохнула. Солнце мигнуло жёлтым глазом, заставляя Савитри зажмуриться. И в этот момент поцелуй из нежного и горького стал грубым и почти жестоким. Капитан прикусил губу Сави и медленно лизнул, будто хотел попробовать на вкус. И Сави поняла, что плачет. Она не должна уходить и оставлять его здесь одного. Не должна.

Капитан оттолкнул её. А потом схватил за руку и потащил за собой. В каком-то сумбуре, не замечая, что происходит вокруг, Савитри оказалась сидящей на коне.

Конница прорвалась через осаду турок. Они были единственными, кто смог вырваться из Эль-Кута тем днём. Солнце прощально махнуло лучом, освещая раненых и убитых. Луч медленно скользил от одного тела к другому, словно ища кого-то. Среди убитых не было ни одной женщины. Довольное солнце опустилось за горизонт.

«...Она уехала. Она должна выжить. Просто обязана...»

8

Сави не помнила, как добиралась через окопы к порту. Не помнила, как садилась на корабль. Даже названия его не знала. Месяцы её путешествия до Ирландии превратились в однообразную агонию. Люди сменяли друг друга. Города. Остановки. Порты. Преданный Хали заботился о еде, о билетах, о том, чтобы никто не тревожил Сави и не задавал лишних вопросов. А Сави даже не могла бояться за свою жизнь. Она так долго мечтала вырваться из своей деревушки в Индии, убежать от несправедливости, а теперь, оказавшись на пути к своей мечте, могла лишь сутками думать об одном: как там Он? Выжил ли? А вдруг опять ранен, и никто не может ему помочь?..

«...Турки держат осаду. Мы с упорством ослов не сдаём город. Не знаю, как долго это продлится. Продовольствие заканчивается. Горожане уже голодают. Мечтаем о воде...»

Спустя несколько месяцев долгого изнурительного пути Савитри оказалась в Лирнсе – маленьком ирландском городке, в котором добывали каменный уголь и варили зелёное пиво. Она запомнила тот вечер на всю жизнь. Узловатые, словно скрюченные в муках дерева, почему-то до сих пор без единого листочка, тонули в тумане. Луна, наконец пробившаяся сквозь тучи, освещала мокрую дорожку с вы-

боинами, зелёные кустики миниатюрного лабиринта и три покрытых мхом статуи. Огромная каменная арка, оплетённая каким-то растением с маленькими голубыми цветками, венчала извилистую дорожку, по которой медленно шуршал колёсами автомобиль. Сави, взволнованная из-за любопытства и страха перед новым местом, с трепетом и странным возбуждением рассматривала разрушающиеся от времени и непогоды статуи, ожидая, когда же сможет увидеть дом.

И он появился. Длинный трёхэтажный особняк из коричневого камня, увитый плющом. Два льва, ставшие зелёными от сырости и времени, охраняли вход. Треугольный фронтон венчал фасад, украшенный двумя арками – входной и балконной. Слушать рассказы о таком доме – одно, оказаться же прямо напротив его... Сырость и прохлада окутывали с ног до головы. Морось оседала на волосах и коже, заставляя трястись от озноба...

Сави встретила седая женщина, лицо которой, словно кора дерева, было покрыто глубокими морщинами. Сави отдала письмо, написанное капитаном. Женщина долго и пристально всматривалась в Савитри, взгляд пронизывал, как сабля. Сави уже видела эти глубокие карие глаза, в которых можно было погрязнуть как в болоте. Рядом с этой суровой женщиной, идеально причёсанной даже в столь поздний час, Сави ещё сильнее ощутила свою принадлежность к ачхут. Её кожа была в разы темнее кожи графини. А её душа и осознание того, что Сави оставила капитана там одного, делали

грязь ачхут несмываемой.

«...Есть нечего. Начались эпидемии. Слава Богу, она не видит всего этого. Я представляю, будто она снова сидит рядом, трогает мои волосы. Сразу становится тепло. Наверное, она сделана из солнца, как и её имя. Сейчас, когда прошло столько времени, мне начинает казаться, что её никогда и не было. Может, я и впрямь её выдумал? Сошёл с ума и придумал. Но так даже лучше. Могу вообразить, будто она тоже меня любит...»

Сави бродила по дому, узнавая каждую его трещину и скрип половиц, так чуждые ей и хорошо знакомые капитану Дарнье. Грубоватая лепнина на стенах и потолках, скрипящие лестницы, большие портреты с суровыми лицами. Больше всего Сави любила бывать в классной комнате, заменившей Ему детскую, которой он был лишен в Индии. Сави осторожно входила в просторное, но мрачное помещение, так неподходящее для ребенка. Ей сложно было представить, как он оказался здесь запертым после пыльной свободы индийских улиц. Но со временем случилось что-то странное: Савитри полюбила классную. С её помощью узнавала Его. Вот царапины и потрескавшаяся краска на подоконнике, где он, наверное, любил сидеть. И ветка все так же скребла в окно, умоляя сначала капитана, а теперь и Сави, позволить ей укрыться от шторма. Огромный слон на колесах с красной попоной и золотыми кисточками, покрытый пылью. Его черные глаза таинственно поблескивали и следили за новой го-

стью. А обратная сторона парты вся была покрыта выцарапанными строчками из стихотворений, понравившихся Ему. Но была одна комната, куда Сави страшилась войти, хоть и отчаянно этого желала. Его комната.

«...Едим крыс и молим Бога о дожде. Сил уже почти не осталось. Таунсенд хочет сдать город. Что после этого? Плен и смерть. Мы просто ждём. Она даже не сможет мной гордиться...»

С того момента, как графиня приняла Савитри, прошло два месяца. Они мало виделись, почти не разговаривали и старались не попадаться друг другу на глаза. Впервые в жизни Сави никому не прислуживала, не выполняла никакой грязной работы. Теперь прислуживали ей. Она жила в богатом доме. Красиво одевалась. Ела вдоволь. Всё время думала о Нём. Сейчас она была самой несчастной женщиной.

«...Сдаём Кут. Представляю, что она рядом...»

Однажды Сави вошла в музыкальную гостиную. Графиня сидела за роялем и рассматривала какую-то фотографию. Подойдя ближе, Сави увидела, что на ней запечатлён капитан. Наверное, это было перед самым уходом на фронт – волосы короче, чем она помнила, губы ещё не пересекает длинный шрам, и фигура не такая худая, как помнила Сави.

Графиня бросила на Сави взгляд.

– Это его единственная фотография. Жаль, что не видны его глаза. Они у него такие красивые, голубые.

Савитри непонимающе посмотрела на графиню, а затем

ВНОВЬ НА СНИМОК.

– Они у него карие. Как крепкий чай...

Впервые она увидела, как графиня улыбается.

«...Жалею лишь об одном: что не сказал ей, как люблю её...»

Ночью Сави прокралась в музыкальную комнату. Всю ночь она просидела на полу, глядя на фотографию и представляя, что рядом сидит капитан. Гарван...

«...Всё закончилось... Как теперь Савитри?..»

Что-то страшное и тёмное таилось в глубине её души. Оно пыталось вырваться из складок сари, накрыть с головой, преодолевая металлические пуговицы его формы. Это странное чувство, от которого хотелось рыдать, мучило, лишая сна. Сави постоянно представляла Гарвана, шептала его имя, пытаясь вспомнить, как оно звучит. Она звала его, сидя в темноте. Он ведь пришёл к ней и спас. Может, сейчас он тоже услышит и придёт? Почувствует, что нужен ей?

«Сегодня, 29 апреля 1916 года от Рождества Христова Генерал Таунсенд и основная часть наших войск сдали Эль-Кут и капитулировали перед турками, выдержав пять месяцев изнурительной осады, голод и всевозможные лишения. Мы гордимся славным подвигом наших солдат! Чтим память умерших и ждём возвращения выживших!»

Савитри сжимала в руках газету, с трудом разбирая английские буквы. Она даже не могла плакать. Не могла поверить. Могла лишь ждать. Он обязан был выжить.

Лето совсем не радовало теплом. Постоянно шли дожди, сквозняки продували поместье Дарнье. Даже солнце было каким-то другим, не таким, как в Индии. Холодным и неприветливым. Сави часто гадала, почему мать назвала её именно так? Солнечная. Ведь в её жизни было так мало светлых и ярких мгновений. Но сейчас она, кажется, поняла. Она жила ради одного момента – той секунды, когда Он подъехал к ней, чтобы спасти от разоблачения.

Ночью Сави не спалось. Она оставила спальню, взяла фотографию Гарвана и отправилась в его классную. Сидя на широком подоконнике у окна, Сави слушала, как скребётся в окно скрюченная ветка. В отдалении слышался шум автомобиля. Хлопнула дверца. Тишина... И вдруг кто-то громко постучал в дверь.

«Мадам, надеюсь, вы в добром здравии. Меня направили в Эль-Кут переводчиком.

Однажды вы сказали, что я всегда могу надеяться на вашу поддержку, что вы поможете, с какой бы просьбой я ни обратился. И сейчас я прошу.

Умоляю вас только об одном: примите женищницу, которую я встретил. Она привезёт вам это письмо. Её зовут Савитри Реими, и она похожа на солнце. Вы и сами это увидите, когда узнаете её поближе. Я её люблю и умоляю вас позаботиться о ней так, как не смог я.

С уважением и любовью, Ваш внук Гарван.»